

Арнелия Волховских

ЖИЗНЬ СРЕДИ СМЕРТИ

хроники одного года

МЕСЕЦ ЛИСТОПАД
ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Арнелия Волховских

**Жизнь среди смерти. Хроники
одного года. Октябрь. Часть 2**

«Автор»

2026

Волховских А.

Жизнь среди смерти. Хроники одного года. Октябрь. Часть 2 /
А. Волховских — «Автор», 2026

Приключения, начавшиеся в первой части, продолжаются. Кася, встревоженная разговором с Алькой, ищет ответы и в результате влипает в опасные события. Рядом с ней новые друзья — Глеб и его старший брат Игорь. Они внуки и сыновья поморских чародеев, режущих столбы, на которых держится Купол. А пока Глеб с Касей пытаются разобраться в проблемах с иномицами и Алькой, Димка становится свидетелем необычного и таинственного явления, значения которого никто пока не понимает. Вторая неделя Мисяца Листопада пролетает со свистом в рискованных предприятиях молодёжи, которая тщательно утаивает от старших свои похождения. На то есть множество причин, главная из которых — страх Глеба признаться в том, кто он есть на самом деле. Его чувство к Касе крепнет и он не хочет потерять её.

Арнелия Волховских
Жизнь среди смерти. Хроники
одного года. Октябрь. Часть 2

В поле две воли - чья возьмёт!

Глава 1. Восьмого дня Мисеца Листопада (Утро, день, вечер. Кася, Алька)

Восьмого дня Мисеца Листопада

Седьмица

Покровитель дня — Бог Даждьбог

Управитель Подсолнечным Миром — Бог Авсень

Управительница Подлунным Миром — Богиня Макошь

Хранитель Сосуда Всезнания — Бог Белобог

Мисец — молодой

Обряды

Для обретения личного и семейного счастья, на денежное благополучие, на любовь и красу, на здоровье, на исполнение чаяния в получении чего-то важного. Обереги.

Приметы дня

Какова сегодня погода, такой она будет и 8 Березня (апреля).

Рутинa дня

Готовьте кушанья с капустой и курицей для здоровья и благополучия.

Чем занимаются городские жители ранним утром в воскресенье, когда за окном осень, слякоть и ветер? Владельцев собак их питомцы выводят на прогулку, невзирая ни на какие уважительные причины остаться дома. Владельцы кошек в полусознании бредут наполнять миски и снова рушатся в сон. И только рыбки по утрам не причиняют своим хозяевам никаких хлопот.

У Каси не было ни собаки, ни кошки. Зато у неё были родители. А они сами в состоянии и миски себе наполнить, и выгуляться. Почти как рыбки. Сегодня, например, ещё затемно уехали в обсерваторию. И, казалось бы, можно спать себе и спать хоть до обеда.

Но вот от робота-компаньона ФеФы, запрограммированного на распорядок её дня, не отмажешься. И фиолетово ему, что у Каси сегодня выходной. С вечера она собиралась посвятить его подготовке к зачётам перед Покровскими праздниками. И попробуй наутро передумать. Ох уж эти механизмы! Хуже кошки или собаки.

Поднятая, как солдат в ружьё, в восемь часов, Кася поплескала в лицо водой, закрутила узел на затылке и переместила себя на кухню. Есть не хотелось, но ФеФа — робот восемнадцатого поколения ФЕ-Ф18/А — сварганил какую-то кашу и заявил, что на завтрак такое полезно для «растущего организма».

Растущий организм понюхал варево, вежливо лизнул с края ложки и скривился: не солоно, слишком сладко и вообще — что это? Запаренные опилки? Овсянка?! Быть того не может. Ешьте сами!

ФеФа попытался возразить. Но Кася демонстративно залила водичку в молекулярный синтезатор, похожий на здоровущий кофейный автомат в каком-нибудь модном кафе, заказала ему голосом порциюпельменей с индюшкой под сметаной и пошла разбираться с зачётами.

Агрегат за её спиной загудел, как стая растревоженных ос. Иллюминатор преобразующей камеры, будто миниатюрное окно в открытый космос, осветил кухню голубым светом.

Она наполнилась специфическими ароматами, весьма далёкими от кулинарии. Кася аж в своей комнате почувствовала запах озона, что означало конец процесса молекулярного расщепления. До вожделенных пельменей оставалось не меньше получаса. Можно было спокойно провести его за задачками. Только учёба на ум упорно не шла.

Слишком многое произошло за последние дни. И это произошедшее требовало в себе разобраться, нагло отвлекая от раскрытых на планшете лекций и страниц учебников.

И как Кася не заставляла себя вникнуть в медицинскую химию, у неё ничего не получалось. Сначала в задачке про ребёнка, который родился в асфиксии, она никак не могла сообщить, как рассчитать, сколько кокарбоксилазы надо вколоть несчастному младенцу.

Вместо этого её коварно одолели воспоминания о том, как они вчера разговаривали с Алькой. И как мерцало его лицо, будто из-под знакомого и родного норовило выскочить другое — чужое и страшное.

А самое главное, как рядом с ним было холодно и нудно. И как-то тяжело. Будто это был не Алька, а что-то громоздкое, серое. И тупое.

«Получается, в Альке подселенец?» — размышляла Кася, пытаясь скрестить на листочке черновика массу ребёнканого тельца с дозой лекарства на килограмм его веса. Но вместо подсказанной в ответах цифры всякий раз получалась полная бессмыслица.

«Похоже, «подсел» боролся с Алькиной личностью...» — пронеслось у Каси в мозгу, и аж мурашки побежали у неё по спине от догадки. Она потрясла головой, чтобы прогнать ужасные картинки, и схватила учебник.

«Сколько мл 1,5%-го раствора этого препарата необходимо для ребёнка массой 2800... — выхватила Кася из текста и возмутилась: — А где плотность раствора?»

И её мысли снова поскакали в направлении, противоположном химии с придушенным в родах младенцем, лекарством и прочими фигурантами.

«Как же так? — пририсовывая к формуле массовой доли веточки с листиками и цветочками, недоумевала Кася. — На любом, кто из семьи Ведарей, защит — как блох на дворежном псе. Тем не менее вот доказательство, что все они оказались бессильны».

Отчаявшись найти решение, Кася сердито отодвинула от себя черновик и уставилась на кактус, стоявший на подоконнике. Настроение у неё вот такое же колючее. Алька, тот, каким она его знала, сейчас бы сказал: «Ёршик, сворачивай свой колючий веер».

И взял бы её руки в свои. И посмотрел бы в глаза своими серыми, в чёрных длинных ресницах, добрыми глазами. Кася почувствовала, как нижняя губа у неё набухает и в носу начинает противно щипать.

— Он бы сказал: «Давай сядем и порассуждаем. Вместе мы что-нибудь обязательно придумаем», — жалобно произносит она вслух, и слёзы мелким бисером быстро-быстро катятся по её щекам. Ей жалко и себя, и Альку, и их дружбу. И так тревожно на сердце.

Перед глазами всплывает картинка, как неведомая враждебная тварь попыталась изобразить тяжёлую болезнь её друга. Хотела оправдать своё поведение. Обезопасить себя от разоблачения. А она, как последняя дурочка, купилась на этот цирк.

Внезапно ужасное предположение пронзает её ум: что, если твари действительно повреждают рассудок своих жертв? И оставляют их после выполнения миссии в состоянии овощей? На это же был намёк?

«Может, выздоровею, а может, и нет...» — вспомнила она слова Альки и его страдальческое, но какое-то деланое, фальшивое выражение лица. Как же тогда она этого не заметила?

Кася встала, вытерла следы слёз и пошла за едой. Чего теперь реветь? Надо думать, что делать дальше. И не на голодный желудок. И не за счёт подготовки к зачётам.

— ФеФа, там пельмени должны приготовиться! И чаю мне завари.

Робот что-то пробурчал себе под нос и покорно направился разгружать кулинарного конкурента. На ходу он запустил чайварник и сунул под его дульку любимую чашку молодой хозяйки.

Пельмени действительно уже ждали, когда их заберут из чрева агрегата. Неаппетитный в голубом освещении вид пищи напоминал, что синтезатор вообще-то никогда не был предназначен для таких утилитарных целей.

«Принтер всякой ерунды ты недоделанный, — услышала Кася ворчание ФеФы. — Алхимика из себя корчишь... Дитю всякую вредную дрянь готовишь. Была б моя воля...» Она усмехнулась про себя и забрала тарелку из манипуляторов робота.

— Чай мне в столовой организуешь? — примирительно сказала Кася.

Вернувшись к себе в светёлку, она пристроила пельмени на подоконник и смела в сторону учебники с тетрадками на столе. «С химией потом разберусь, — решила Кася, водружая тарелку на середину. — Начнём с чего попроще». И открыла в планшете файлы по анатомии.

Тут предлагалось письменно ответить на кучу вопросов. «Плоскость, проходящая поперёк тела человека», — прочитала Кася и вслух раздражённо сказала: — Любопытные-то какие! Горизонтальная, конечно!

Она ткнула вилок в пельмень, но пока неслась его в рот, он развалился на шкурку и комочек чего-то, мало похожего на варёный фарш.

Нет, учёба явно сегодня не заходила. Еда — тоже. И, видимо, пока не расплетётся этот узел из воспоминаний, догадок и страхов, даже пытаться бесполезно. Она отключила планшет и захлопнула учебники.

«Итак, подселенец, — сказала Кася сама себе. — Надо бы с кем-то обсудить, а то я так с ума сойду». Но обсуждать было не с кем. Дед наверняка в дороге, ему нужно подготовить всё для Сафара, которого, как он сказал, привезут вечером. Родители? С папой можно было бы, но толку от него в таком деле немного. Всеволод Михалыч?

Кася глянула на свой мобильник: разряжен ещё с вечера. Она сунула его в гнездо зарядки и спустилась к телефону в прихожую. Там по памяти набрала на домашнем аппарате противно пикающими кнопками знакомый с детства номер. Бип-бип-бип... Занято?

«Ладно, подожду», — решила она и присела на банкетку. ФеФа звякал посудой в столовой. По дому полз изумительный запах жареного хлеба. Кася пошла на зов еды — в кухню. Там уже стояло блюдо с кусочками тостов, нарезанной рассольной рыбой и даже розовыми ломтиками ветчины.

ФеФа, обнаружив «юную хозяйку» в кухне, засуетился, но Кася сама унесла в столовую приготовленную им роскошь. Он пришёл следом с чашкой чая.

— Ты плакала, — утвердительно произнёс он своим довольно приближённым к человеческому голосом.

— С чего ты взял?

— По химическому составу и локализации остаточных следов.

— Ну, естественно! Это ж просто!

Кася подцепила кусочек сёмги, положила его на крохотный ломтик хлеба и с удовольствием откусила больше половины.

— Вкусно? — озабоченно поинтересовался ФеФа.

— Вполне, — ответила ему хозяйка. — Лучше твоего утреннего варева однозначно.

— Лучше пельменей?

— О, да!

— Я рад, — сказал механизм с соответствующей интонацией и бесстрастно добавил: — Но я огорчён.

— Что такое?

— Ты расстроена. Я должен о тебе заботиться. Но я не знаю, чем ты расстроена, и это делает невозможным оказание полноценной заботы.

— Ой! Кто в тебя вложил этот отстойный алгоритм составления фраз? — рассмеялась Кася и, заметив, что ФеФа приготовился разразиться ещё одной тирадой, поспешно сказала: — Вопрос риторический! Я знаю, кто, знаю!

— Чем ты расстроена? — как попугай, повторил робот.

— Эх, ФеФа! Печальна жизнь наша людская, — ответила ему Кася. — Ты вот знаешь, что нам под Купол десант забросили? Откуда-то из Иномірья, представляешь?

— Я понимаю. Это звучит тревожно. Но как это касается тебя?

— Напрямую. Мне кажется, что кто-то из них подселился в Альку и вертит им, как хочет. Как думаешь, возможно это?

— Идея о том, что кто-то может подселиться в человека, часто встречается...

— Оооо! Понеслось, — замахала руками Кася. — Я серьёзно с тобой. А ты мне что? Будешь сейчас рассказывать про литературу и психиатрию?

— Кася, я понимаю, что ты беспокоишься, — сказал ФеФа с умиротворяющей интонацией. — Вероятность подселения крайне мала. Возможно, поведение твоего друга связано с другими факторами, такими как стресс или усталость? Что тебя навело на мысли о подселенце?

— Много чего, поверь. И если принять за факт, что так оно и есть, то как мне помочь ему? Что думаешь?

— Рекомендую не делать выводы без дополнительных данных. Возможно, стоит наблюдать за его состоянием?

Кася нахмурилась. Её настораживали обтекаемые ответы искусственного интеллекта, замурованного в эту человекоподобную упаковку.

— Хорошо, ну а если порассуждать теоретически? Предположим, что я права. Знает ли сам подселенец, чем обернётся его воздействие? — взволнованно спросила она, желая в глубине души получить какой-то обнадеживающий ответ. — Или мы для них так... мусор, одёжка на раз? Они же могут калечить даже не целенаправленно. А просто... как побочный эффект своего вмешательства... Могут?

— Это сложный вопрос, — ответил ФеФа после паузы. — Если подселенец существует, его воздействие может быть минимальным и не наносить серьёзного вреда. Точных данных недостаточно.

— Это как же?

— Если подселенец существует, его цели могут быть связаны с другими задачами, а воздействие на человека — лишь побочным эффектом, не представляющим для него интереса.

— Блеск! — воскликнула Кася. — Я так и думала! Это его не волнует!

— Или же он может не осознавать, что его присутствие наносит вред, — стал оправдывать сущность ФеФа, — и это действительно побочный эффект. В любом случае попробуй поговорить с Алькой ещё раз. Покажи ему, что ты рядом и готова поддержать его, независимо от того, что происходит.

— Может быть, ты прав, — сказала Кася. — Надо поговорить. Поддержать...

— Иногда мы видим то, что хотим видеть. Попробуй не волноваться слишком сильно, и всё, возможно, наладится само собой.

— Но я всё равно буду наблюдать за ним. Если что-то ещё произойдёт, я сразу же тебе расскажу.

ФеФа изобразил лёгкую улыбку на своём интерфейсе.

— Конечно, Кася. Я всегда здесь, чтобы помочь тебе, — сказал он и скрылся в кухне.

А она, доедая бутерброды, попыталась собрать пазлы:

«Что же выходит? — спросила Кася себя. — Иллюзия личности в полный рост? Или замещение этой личности в реальном, биологическом теле? Если это иллюзия, то где прототип? И что с ним? А если замещение... О, Боги! Что тогда с Алькиной Душой? Его Духом? Разумом?»

Кася вдруг, без всякой связи с предыдущими своими мыслями, вспомнила того странного, замурзанного, пропахшего рыбой и костром парнишку... Как его? Казаргин?

Он стоял у прозрачной стенки напротив Сафара, оперев в неё крепкие ладони с рельефно выступающими на их обратной стороне венами. Тогда, в клинике, она только мельком обратила на него внимание. Ей было гораздо интереснее, что дед делал с больным. А разведчик показался испуганным, сбитым с толку. Ничего особенного.

Но сейчас она отчётливо вспомнила, как он смотрел на своего товарища и у него сжимались не только мускулы на скулах, но и руки. Будто хотел разбить, продавить это стекло.

«Он злился, — поняла Кася задним числом. — Его бесило, что его провели. Обманули картинкой. Но разве меня, нас всех не обманывают тоже? Может, мы общаемся не с Алькой, пусть даже под управлением подселенца? Что, если это всего лишь иллюзия, некая копия человека? А самого Альки уже нет?»

Кася встала и направилась к ФеФе с новыми вопросами. Но по пути передумала и свернула к телефону. «Он сейчас опять заведёт волюнку, что надо успокоиться и подождать», — подумала она про робота. И попыталась снова дозвониться Всеволоду Михалычу. Но там по-прежнему было занято. Оставаться наедине со своими мыслями становилось всё страшнее и страшнее.

Набрав наудачу дедов номер, Кася затаила дыхание. Но на другом конце никто не ответил. Она немного позаклинала в трубку: «Ну давай же, ну возьми». Не дождавшись, Кася наскоро оделась, крикнула ФеФе, что уходит, и рванула в обсерваторию, к отцу. Дома в одиночестве пережёвывать свои тревожные мысли она была уже не в силах.

По дороге Кася встретила маму. Та торопливым шагом шла ей навстречу.

— Кася! — обрадовалась она. — ФеФа дозвонился мне, говорит невразумительную чушь. У тебя всё в порядке?

— Конечно, — стараясь придать себе беспечный вид, ответила Кася. — А что такое?

— Да ничего. — Мама пытливо взгляделась ей в лицо. — Ты же знаешь, мы все в последнее время на нервах.

Ещё бы она не знала! Мама после дня, проведённого на Большом Совете, ходила сама не своя. Ей во всех детях теперь мерещилось невесть что. Поэтому Кася старалась её лишний

раз не беспокоить собственными страхами и догадками. Как говорил папа, мама у них в семье была главной по панике.

— А я к вам шла, — взяла Кася маму под руку. — ФеФа приготовил с утра какую-то гадость. И обижается, что я есть не стала.

— Он же машина, — усмехнулась мама. — Как он может обижаться?

— На словах так очень даже! Сказал, что я его ранила в самое мягкое место.

Они обе рассмеялись. За программным обеспечением ФеФы водилось такое: оно хаотично соединяло части из разных баз идиом и иногда получались уморительные перлы.

— Так ты голодная? — догадалась мама. — Пойдём, у нас на работе в столовой поешь.

В обсерватории шум стоял, как на крытом рынке. Полным ходом готовилась выставка. Родители говорили о ней, но Кася пропустила мимо ушей — у неё в последнее время были дела поважнее.

Сейчас она с интересом разглядывала, как в выставочном зале монтировали какие-то дикийвинные декорации. Рабочие, как муравьи, сновали туда-сюда, что-то прикручивали, натягивали, настраивали. Возле одной из стен стояли призрачной группой вертикальные и горизонтальные витрины, отражая стёклами невообразимый кавардак, творившийся вокруг.

Наверху, в зале для совещаний, сотрудники распаковывали разные приборы и образцы, чтобы разбавить ими фотографии и видео. Отца Кася застала в его кабинете за спором с каким-то очкастым дядькой в светлом пиджаке.

— Владимир Георгиевич, мы не можем изготовить эти макеты в два дня, — взволнованно говорил он. — Вы вольны прислать хоть полк! Хоть дивизию помощников! Они никак не помогут формовочной массе высохнуть за пару часов.

— Так возьмите ту, что сохнет! — не сдавался Касин отец. — Можно подумать, от вас хотят шедевр на века.

— Вы не хуже моего знаете, что такие составы имеют стратегическое значение. Кто моей мастерской подпишет такое разрешение?

— Директор обсерватории подпишет! Главный Советник Большого Совета. Руководитель округа, наконец, — вышел из себя Владимир. — Главное — пришлите как можно скорее вашу заявку.

Дождавшись, когда незадачливый макетоделатель уберётся восвояси, Кася бросилась к отцу.

— Пап, я поговорить, — дав волю мимике, она страдальчески сморщилась, удерживая слёзы.

— Эй-ей-ей, Котька, что за сырость? — Папа повёл Касю к окну, где стоял стародавний журнальный столик и два кресла. — Садись давай, рассказывай.

— Мне страшно, пап, — с ходу пожаловалась она.

— Кто-то угрожал тебе? — встревожился отец. — Дома? По дороге сюда?

— Мне за Альку страшно!

И Кася выложила отцу все свои утренние размышления и воспоминания.

— Получается, есть два варианта, и оба хуже некуда, — сказала в заключение она. Тут её губы предательски задрожали, лицо покраснело и сморщилось.

— Котенька, девочка! — Отец встал и обнял её сверху за плечи. — Ну-ну, я с тобой, моя хорошая. Мы всё выясним, со всем справимся.

— Что же будет с Алькой? Жив ли он?

— Конечно жив! Алька сильный. И умный. Он знает, что мы его любим и не оставим в беде.

— Но что теперь делать?

— Тебе? Ничего. Теперь забота взрослых разбираться.

— Я тоже не маленькая уже! И он мой друг!

— Кася, — мягко сказал отец, — ты надежда бабушки и дедушки. Единственная. И пока ты не можешь полностью себя защитить, это будем делать мы — взрослые. Научишься всему, тогда ты будешь нас защищать. Да?

Кася тяжело вздохнула. Папа, разумеется, был прав. От неё пока толку мало.

— Может, мне переехать в деревню? Стану учиться чародейному ремеслу...

— А медицина? Ты же образование собралась получать.

— Не знаю. Может, потом как-нибудь.

— Потом обычно никогда не настает, дружок, — ласково погладил папа Касю по голове. — Решать, безусловно, тебе. Но если примешь мой совет, то вот он: оставайся и учись тому, чему хотела. Второй студенческой юности у тебя не будет. А семейное дело никуда не денется.

Кася прерывисто вздохнула, прижалась к отцу. В целом она была, конечно, согласна с его доводами. Это не утешало её боли за друга, но несколько меняло приоритеты.

«Нужно взять себя в руки и заняться делом», — подумала она и засобиравшись домой. Там её ждали и горько плакали невыученные химия с анатомией.

А в следующее воскресенье она собиралась с однокурсниками пойти в Петровский парк. В старом театральном кафе намечалась презентация нового осеннего меню. Это всегда собирало кучу интересного народа со всего города. Так что с зачётами надо было разделаться на следующей неделе во что бы то ни стало.

На улице дул зябкий ветер с Северной Двины, поднимая в воздух сухие листья. Солнце садилось в подушку плотных облаков. Ранние сумерки мягко вползали в город, делая его уютным и загадочным.

— Кася! Вот ты где.

Она обернулась и увидела стоящего под лениво разгорающимся фонарем Альку.

— А я заходил к тебе, но ваш помощник мне наговорил непонятного.

«Врёт! — поняла Кася. — Зачем ему врать?!»

— Он у нас иногда барахлит, — не трогаясь с места, ответила она.

— Я так и понял, — Алька сам пошёл в её сторону. — Я тебя провожу?

— Ты же нездоров, — возразила Кася. — Как ты возвращаться будешь?

— Это не должно заботить хорошенькую барышню.

— Чего? — удивилась Кася. — С каких пор я стала для тебя барышней?

— Ну-у-у...

Алька стоял, потупив взгляд. Кася чувствовала, что он следит за её реакцией из-под опущенных ресниц. По его лицу пробежали тени, и казалось, два разных человека борются за право разговаривать с ней.

— Алёша, — проникновенно сказала Кася, вспомнив советы ФеФы, — я готова помогать тебе и быть рядом, что бы ни случилось.

— Даже если я буду невыносим?

— Конечно. Ты же был со мной рядом все эти годы. А я порой та ещё заноза, я знаю.

Они медленно пошли в сторону Касино дома, соблюдая некоторую дистанцию. Ей было страшно, но она старалась не подавать вида и держаться естественно. Вдруг Алька протянул к ней руку и, взяв за плечо, с силой развернул к себе.

— Касенька, — сказал он взволнованным, знакомым ей голосом. — Я... я не могу с ним бороться... он внутри... я не могу!

Глаза его блестели, и в их серой, до боли родной глубине Кася увидела страдание и мольбу.

— Алька? Ты? — обрадовалась она. — Ты тут?

— Помоги мне, — прошептал он, прижимая её к себе и обдавая горячим дыханием. — Помоги... мне... нам... за печью... третья сверху... передай... восемь, тридцать два... четыре...

Голос его становился всё тише и оборвался. Руки закаменели. Кася сквозь куртку и джемпер почувствовала ледяной холод и нестерпимую тяжесть. Алька с силой оттолкнул её от себя. И она со всего размаху вписалась спиной в угол дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.